

ступени служить самая *смѣлость отрицанія*, которой нѣтъ ни тамъ,—въ этихъ «гармоническихъ» простыхъ и наивныхъ людяхъ, гармоническихъ, такъ сказать, *malgré eux*, которые сами этого непонимаютъ и потому не застрахованы отъ гибели,—ни въ большинствѣ изъ насъ, людей односторонней полноты, *fuste milieu*, опочившихъ на полдорогѣ, чаще всего безо всякой даже зависти къ какой-то тамъ «утраченной гармоніи» и т. п. По словамъ Данте, самъ Сатана субъектъ достойный похвалы, въ сравненіи съ этими людьми *fuste milieu*, занимающими въ его «Адѣ», подъ ярлыкомъ людей «ничтожныхъ», весь верхній объемъ его адской воронки—самое, слѣдовательно, обширное пространство—и приреченными къ страшному наказанію: они не надѣются умереть...

Ихъ въ мірѣ слѣдъ простылъ быстрѣ дыма.
Что говорить о нихъ? Взгляни и—мимо! *)

И такъ, эстетикъ, жрецъ «красоты силы», художникъ съ прежнимъ своимъ творчествомъ развѣнчанъ теперь въ нашемъ авторѣ и развѣнчанъ имъ же самимъ; на мѣсто ихъ становится этикъ, поборникъ «истинной красоты добра», нравственно совершенствующій себя человекъ, отрицающій *ad hoc* искусство и свое прежнее творчество! На самомъ же дѣлѣ такъ ли велика пропасть, раздѣляющая то и другое? Этическое должно ли было уничтожить въ немъ эстетическое! Нѣтъ, оно лишь претворило его, расширило его содержаніе; ибо красота нравственного добра не та же ли красота,—лишь съ болѣе раздвинутыми рамками этого же понятія въ эстетическомъ смыслѣ,—красота высшаго, такъ сказать, порядка? Разница лишь та, что служеніе ей становится сознательнымъ долгомъ, заставляющимъ повсюду

*) Слова *Virgilia*, обращенныя къ Данте.